

49

День второго тура начался с рутинных процедур питания, промывания и обследования, после чего Ирина снова оказалась в реквизитной комнате. Любовь Васильевна выглядела на удивление паршиво. Опухшее и покрасневшее лицо и дрожащие руки говорили о том, что минувшую ночь она провела в бурных излияниях. От нее разило перегаром, и она постоянно о чем-то ворчала. Девятка не слышала ее из-за затычек в ушах, но Любе было плевать. На этот раз экипировка спортсменки была менее замысловатой — Ярко бирюзовый эластичный шлем с прорезями для носа и рта плотно обтянул ее голову. Свет померк у Ирины в глазах, и ее охватил панический страх. Задрожав всем телом, она покрылась потом. Мысли беспорядочно сменялись у нее в голове, ей казалось, что эта тьма, наступила для нее навсегда и с нее больше никогда не снимут этот ужасный шлем.

Кто-то успокаивающе погладил ее по спине и повел прочь за поводок. Андрей вывел ее к ипподрому и, стал проходить рутинную процедуру контроля перед стартом и взвешивание. Все это заняло не меньше часа, в течение которого паническая атака не покидала Ирину, которой казалось, что ее ведут в буквальном случае на убой.

Наконец все необходимые формальности были позади и жокей отвел ее в паддок. Сверкающий отполированный бирюзовый велосипед дожидался их под легким навесом среди таких же красочных болидов. Андрей развязал Девятке руки и, помог ей усесться в сиденье с отверстием посередине, через которое повис жгут ее модуля управления. Он затянул все необходимые ремни, плотно прижав ее тело к спинке и не спеша стал закреплять ноги и руки спортсменки на педалях и рычагах. К носовому отверстию он прикрепил гофрированный воздуховод,

Он видел, как волнуется женщина, дрожа всем телом. Ее локти то и дело дергались в стороны, а колени ходили ходуном. Весь ее вид говорил, что спортсменка находится не в самом лучшем состоянии и выпускать ее на трассу нельзя и он удивлялся, как ее не отстранили спортивные медики!

К ним подошел контролер и стал проверять соответствие снаряжения на велосипеде и правильность установки спортсменки в сиденье. Он включил напряжение на болиде и проверил работоспособность систем управления, после чего показал Андрею большой палец вверх и отошел к следующему велосипеду.

Прозвучал зуммер и контролеры жестами показали спортсменам следовать за ними. Группа спортсменов из девяти велосипедов, в числе которых оказалась и Оксана со своей Семнашкой, медленно двинулись за тремя сотрудниками ипподрома, удаляясь в сторону прибрежной зоны.

Стартовая площадка представляла собой ровный участок грунтовой дороги, по обе стороны которого были сооружены трибуны для желающих увидеть старт и финиш заезда. Народу собралось достаточно много, но большая часть болельщиков, разумеется приготовилась смотреть трансляцию в своих номерах и апартаментах. Всю трассу спортсменов должны были сопровождать квадрокоптеры с камерами высокого разрешения. Помимо прочего, гонку сопровождал несколько квадроциклов с судьями и медиками.

Андрей тревожно всматривался за показаниями пульса Ирины — он явно был завышен и что

будет дальше он и представить себе не мог.

Девятка в свою очередь, продолжала терзаться в муках абсолютной темноты и полном непонимании, что происходит и где, по большому счету она сейчас находится. Она чувствовала, что жаркое солнце нагревает ее тело, что могло означать что она уже на ипподроме. Колено неприятно ныло при каждом провороте педалей, но она пыталась не обращать на это внимания, рассчитывая на то, что боль скоро отступит. Но эта бесконечная темнота...

Наконец, они добрались до стартовой линии, вызвав шум оживления среди заждавшейся их публики. Над трибунами развернулись красочные баннеры и яркие цвета всевозможных флагов стран мира. Вверх полетели воздушные шары и ведущий стал поименно оглашать имена жокеев и их номера.

Особенно громко толпа приветствовала Пятидесятый номер, победивший в третьем заезде первого этапа. Это был довольно известный жокей из Панамы, победивший в третьем заезде первого тура со своей спортсменкой, камерункой по происхождению. Ее блестящее, словно отполированное вороное тело придавало ей вид статуэтки. Ослепительно белый шлем обтягивал ее голову, еще больше оттеняя абсолютную черноту ее кожи. Она принадлежала самому крупному известному бразильскому клубу «Джуба». Многократная призерка соревнований имела на своем счету десятки побед и являлась любимицей и фавориткой большинства из любителей этого вида спорта. Она принадлежала клубу на правах собственности и ни разу не выставлялась на продажу, хотя многие заводчики предлагали владельцу «Джубы» суммы в разы превышающие обычную цену за хорошую спортсменку.

Следующим номером объявляли Андрея. К его удивлению, публика отреагировала гораздо эмоциональней, чем во время первого тура — очевидно, что победный результат не остался незамеченным.

Вскоре все было готово для старта. Дроны, едва не цепляя друг друга нетерпеливо жужжали в воздухе, целясь объективами камер на своих подопечных. Стартер замер в ожидании сигнала от главного судьи. Наездники приготовились, схватившись за рычаги своих болидов. Зрители притихли в нервном ожидании, поглядывая то на табло, то на девять красочных велосипедов, выстроившихся в ровную шеренгу на старте.

Раздался зуммер и стартер дал отмашку! Нестройный визг получивших свою порцию электроимпульсов спортсменок пронзил влажный воздух острова и спровоцировал взрыв громких аплодисментов ликующей и свистящей от восторга толпы на трибунах.

Веломобили резво разогнались и быстро исчезли с поля зрения болельщиков, которым оставалось либо вернуться к себе, либо дожидаться, когда спортсмены, совершив свой длинный маршрут вернутся к финишу.

Ирина, поняв по острой рези в сосках, что гонка началась вертела педали что есть сил, набирая обороты, торсом ощущая усиливающийся встречный ветерок и легкое дрожание велосипеда. Андрей переключил передачу, усиливая нагрузку на ноги Девятки и скорость резко стала увеличиваться. Цифры на спидометре быстро росли, одновременно подтягивая за собой частоту пульса женщины, свирепо помогающей себе размашистыми движениями пристегнутых к рычагам рук. Боль в грудях почти полностью отвлекла от боли в коленке и, даже очередное включение повышенной передачи наездником не снизило прыть. Безумная паника, охватившая ее с того момента, как Люба натянула ей на голову жуткий шлем, полностью погрузивший ее в абсолютный мрак, постепенно стала проходить на фоне сильных

электроразрядов и понимания того, что наступил очередной этап ее пути к освобождению.

Ровный грунт трассы позволил разогнаться до тридцати пяти километров в час и на этом Андрей решил остановиться, не перегружая спортсменку. Болиды беспорядочно растянулись в длинную цепочку, удаляясь с каждой минутой все дальше и дальше, увлекая за собой жужжащий рой дронов, грозно нацеленных на шуршащую колесами группу разноцветных экипажей.

В номере у Амирасланова собралась та же свита, что и в ложе во время первого тура.

Все расположились на мягких диванах и креслах перед большим телевизором, на экране которого разворачивалась борьба гонщиков.

— А скажите, пожалуйста, господин Амирасланов, — вкрадчиво заговорил Виктор Васильевич, не отрывая взгляда от трансляции, — а Вы действительно даруете ей свободу в случае, если она завоюет первое место?

В номере повисла тишина, означавшая, что наконец прозвучал, который так ли иначе интересовал каждого.

— Обязательно, — коротко ответил Амирасланов, — Странно, что Вы спрашиваете...

— Но, если она займет второе или третье место, но при этом суммы выигрыша окажется достаточно для покрытия ее задолженности?

— Видете, ли, дорогой Виктор Васильевич. Ею подписан контракт, который предусматривает лишь единственное условие для его прекращения — первое место. А это значит, что только в этом случае, и ни в каком ином, эта женщина сможет получить свободу и покинуть клуб. Я хочу подчеркнуть, что строго выполняю свои обязательства, но вместе с тем хочу, чтобы мои партнеры выполняли свои. — Она ваш партнер? — с ухмылкой спросил генерал, лениво развалившийся в большом кресле с большой кружкой наполовину наполненной пивом.

— Конечно, Иван Сергеевич — мы с ней заключили контракт,! Каков бы ни был ее статус, она партнер.

— Хотел бы я также поиметь кое-кого из своих партнеров электротоком... — пробормотал мужчина, отпивая большими глотками из кружки.

Прошел час езды под палящими лучами солнца. Андрей всматривался вперед сквозь затемненные стекла очков. Его болид шел третьим после пятидесятого номера и Семнашки, от которой он отставал метров на двести. Впереди маячил лес, где должно было быть не так жарко. Он прибавил оборотов и Ирина завертела ногами быстрее, доводя скорость почти до сорока километров в час. Она вся блестела от пота, струящегося по телу вниз и капая на пыльную трассу. Модуль управления, постоянно впрыскивал в нее регидрон, стараясь компенсировать усиленную потерю влаги в организме. Уже непосредственно перед лесом жокей понизил передачу, чуть снизив при этом скорость, но не давая Девятке лишней нагрузки. Затяжной двухкилометровый подъем был преодолен в течение семи минут и они въехали в лес, оказавшийся скорее рощей. Высокие эвкалипты с кронами на самом верху почти не соприкасались друг с другом, почти не создавая теней. Вместо ожидаемого облегчения местность принесла лишь новый аромат и дополнительную влажность. Андрей услышал еле заметное шипение позади себя — это приоткрылся клапан подачи кислорода в воздухопровод, через который дышала спортсменка. Модуль управления зафиксировал снижение кислорода в крови. Спустя еще полчаса трасса стала плавно уходить влево, отдаляясь от береговой линии и лес стал гуще, скрыв в конце концов от гонщиков береговую линию. Начались частые повороты и Андрею пришлось еще снизить скорость, уменьшив

скорость вращения педалей. Пару раз он отчетливо слышал, как где-то впереди вскрикнула Семнашка — он хорошо знал ее голос — очевидно, Оксана также меняла режим езды.

Дорожное покрытие постепенно сменилось на обычную лесную тропу, изобилующую всевозможными кочками, ямами и торчащими корягами. Андрей понизил передачу и скорость снизилась до десяти километров в час. Одновременно стали досаждают комары и мухи. Их отвратительное жужжание примешивалось к гулу квадрокоптеров с камерами. Пахучий репеллент надежно защищал голое тело Ирины от укусов, но противный рой продолжал виться вокруг, раздражая Андрея самым своим звуком и видом. В какой-то момент он, даже позавидовал Девятке, потому как по большому счету ей вообще ничего не видно и не слышно и потому не о чем переживать.

Он чуть прибавил оборотов, глядя, как стабильно держиться в желтой зоне ее пульс. Вскоре тропа снова пошла вверх и нагрузка на Ирину снова стала возрастать. Ее дыхание стало более громким, а шипение подаваемого кислорода увеличилось.

Через каждые пять километров вдоль трассы были вкопаны столбы числом пройденного пути в километрах. На тридцать пятом километре тропа сделала крутой поворот влево и стала круто подниматься вверх по склону вполне реальной горы превратившись в самый настоящий серпантин. Наездник включил первую пониженную передачу, при которой скорость упала почти до трех. Он еще раз увеличил обороты и Ирина, почувствовав очередной разряд в грудях, громко взвыла и завертела педали на максимуме. Она снова принялась помогать себе размашистыми движениями рук, двигая рычаги взад и вперед. Андрей впрыснул ей в желудок изотоник и вцепившись обеими руками в руль стал аккуратно вести велосомобиль по узкой опасной тропе, держась подальше от становящегося все опасней обрыва слева.

Иногда под колесо попадал бульжник или выдавленный землей корень и велосомобиль подпрыгивал, жестко опускаясь вниз. Амортизаторы, сглаживавшие езду по мелким неровностям на относительно ровной поверхности совершенно не справлялись на этом бездорожье. Девятка чувствовала, что они движутся под крутым уклонам и понимала, отчего так сильно возросло напряжение на ноги. Успокоившееся было колено снова стало досаждают противной болью, особенно проявляющейся в момент распрямления ноги. Вдобавок ко всему частые торчащие ветки кустов, растущие вдоль обочины, ближе к которой старался держаться жокей, безжалостно хлестали ее по правой части тела, нанося множество царапин. Андрей спохватился уже тогда, когда сам оцарапался ногой об длинный колючий куст, чуть ли не наполовину перегородивший тропу. Он оглянулся назад и с ужасом увидел исполосанное плечо Ирины. Велосомобиль сместился чуть левее, рискуя свалиться в обрыв при неосторожном повороте руля.

Где-то впереди тоже раздавался громкий женский крик — Андрей уже не был уверен, кому именно он принадлежал, но было очевидно, что этот крутой подъем в гору давался спортсменкам очень нелегко. Он сбавлял обороты перед опасными поворотами и увеличивал на более менее спрямленных участках, переключаясь иногда на более высокую передачу.

Наконец, трасса спрямилась и они оказались на большом холме под палящим солнцем. Ирине показалось, что она попала в раскаленную духовку — горячий воздух обжигал ее грозя прожарить тело насквозь. Андрей последовательно переключил передачи до разумных пределов, снизив, наконец нагрузку на ее ноги и уменьшив обороты. Андрей увидел, наконец впереди два экипажа, примерно в трехстах метрах от него. Семнашка почти догнала

фаворитку острова и следовала по пятам не предпринимая никаких попыток ее обогнать. Причина была понятна — на этом участке трассы дорожное покрытие было весьма условным и любое отклонение от нее грозило увязанием тонких колес велосипеда в густой траве и грунте.

Позади стал доноситься шум отставших велосипедов. Андрей прибавил оборотов и чертыхаясь и матерясь на каждой кочке стал догонять Семнашку и панамца на Пятидесятке. Через несколько километров ему удалось сократить разрыв почти вдвое. Он уже слышал шум передних квадрокоптеров. Еще через пару километров дорога, несколько расширяясь пошла под уклон и велосипеды резво покатали по пологому участку. Затяжной спуск позволил ему установить самую высокую передачу, позволив Ирине снизить частоту вращения педалей. Однако он не успел совершить маневр, чего нельзя было сказать о Семнашке. Оксана умудрилась почти перед самым концом спуска, где дорога снова сужалась, обойти удивленного панамца и, подняв клуб пыли, вернуться на тропу прямо перед его носом.

— Вот так номер, дядь Вить! — закричал взволнованно Гоша, тыча пальцем в телевизор, когда на экране резко поменялась ситуация и Семнашка вырвалась вперед. — Вы видели, как она?...

— Да, Гоша, вижу, вижу... Это довольно интересно. Я думаю, сегодня очень много людей потеряет большие деньги. Эта Пятидесятка большая любимица публики, насколько я знаю... Страсти накаляются, господа, страсти накаляются!

Амирасланов, вполуха слушая разговор, с интересом следил за трансляцией, понимая, что шансы на победу его команды возросли вдвое.

— В любом случае неплохо, — изрек он, криво усмехаясь, — для меня не имеет значения, кто из них двух сможет победить. Возможно, даже лучше, если это будет не контрактница...

— А Семнадцатый номер Ваша собственность? — тихо спросила Инга.

— Точнее — собственность клуба... — улыбнулся Амирасланов, — если быть точным.

— Понимаю Вас, — улыбнулась Инга.

Разумеется, Амирасланову было бы выгодней, чтобы победила Семнадцатая. В этом случае, Девятка, не выполнив условия контракта, останется в клубе и сможет быть привлечена к следующим соревнованиям. Хотя он понимал, что гонка все еще продолжается и многое может перемениться не в его пользу.

В дверь постучали и один из телохранителей пошел открывать. Через минуту он вернулся и что-то на ухо прошептал Амирасланову. Тот включил планшет и присвистнул от удивления.

— Между прочим, цена на нашу Девятку на данный момент составляет сто двадцать пять тысяч долларов. Это в шесть раз выше, чем на начало первого тура.

— Покупатели пишут вам напрямую? — удивленно спросил генерал. — Нет, разумеется. Это предложения на сайте клуба. Жаль, конечно, что она не принадлежит нам... полностью.

Ирина вертела педали, чувствуя нарастающую боль в поврежденном колене. Чувствуя вестибулярным аппаратом уклон, было ясно, что пока нагрузка на ее ноги не велика, но рано или поздно спуск закончится и Андрей неминуемо заставит ее крутить педали быстрее. Постоянные впрыски жидкостей в области живота не прекращались и создавали определенный дискомфорт, но это было запрограммировано в ее модуле управления, и остановить это не мог даже жокей. Иной раз создавалось ощущение, что вода скоро выплеснется из нее наружу, но приходилось терпеть. С другой стороны, сопутствующая в таких случаях жажда ей не досаждала и это был, похоже единственный плюс в данной

ситуации. Горячий воздух, которым приходилось дышать, казалось прожигал нутро, Горели даже плотно обтянутые латексным шлемом ушные раковины...

Она снова закричала от рези в сосках и стала набирать обороты, не отдавая себе отчет, что именно сейчас задумал Андрей. А он тем временем, почти вплотную приблизился к Пятидесятке, и снова сбросив обороты, о чем Ирина получила сигнал в ягодичные кольца, продолжал движение прямо за соперником. Панамец — сухой поджарый молодой парень в зелёной бейсболке и зеркальных солнечных очках на секунду обернулся, но продолжил движение в своем темпе, понимая, что сейчас на узкой тропе обогнать его будет практически невозможно.

Так продолжалось примерно с час, пока трасса плавно повернув вправо снова не стала расширяться, продолжая, однако оставаться довольно неровной. Андрей, увидев в этом шанс прибавил оборотов, заставив Девятку с криком ускорить вращение педалей. Однако опытный панамец, чуть сместился влево, оставляя свободной правую часть тропы, где было больше неровностей под заросшей травой. Андрей принял правее и понял, что это попался на уловку соперника. Веломобиль затрясся и стал подпрыгивать как взбесившийся жеребец. Вдобавок ко всему, незащищенные отсутствием какой-либо защиты снизу, и из-за низкого расположения сидения спортсменки, свежие прутки растительности стали хлестать по несчастным ногам Ирины, вызывая жуткое жжение передней части голеней и бедер снизу.

«Боже, что это такое?» — вскипело в голове у Девятки, когда ее ноги, обильно покрытые соленым потом, словно погрузили в кипяток. Она на мгновение остановила движение но тут же получила ощутимый разряд в груди. Она взвыла, запрокинув голову назад и преодолевая боль, пронзившую ее буквально насквозь, отчаянно принялась наворачивать скорость, упущенную на рыхлом грунте. Андрей обернулся и, увидев, что происходит с Девяткой быстро посмотрел на приборку — Пульс Ирины быстро увеличивался, меняя цвет цифр с оранжевого на красный. Он быстро оценил ситуацию и счел самым разумным отказаться от маневра, вернувшись на прежнюю позицию и приняв влево за Пятидесяткой. Однако, запас сил Девятки был истрачен зря. Вдобавок ко всему в борьбу грозили включиться еще два веломобиля, дружно догонявших ведущую тройцу.

Ирина сама не своя пыталась перевести дыхание, но ей явно не хватало воздуха. Она, словно рыба, выброшенная на берег, билась всем телом, стараясь поддерживать заданную скорость оборотов и жадно с шумом втягивала воздух всей грудью. Клапан кислородного баллона, казалось был открыт полностью — он шипел не прекращая. Андрей порцию за порцией продолжал вливать ей в желудок изотоник, но ее состояние все еще продолжало беспокоить его. Он гнал от себя навязчивую мысль о том, что ей вообще не удастся завершить это ралли, даже не подозревая, что та же самая мысль все чаще посещала и саму Ирину. «Вот и все... — нечетко проносилось в ее голове — наверное это мой предел. Я не могу больше!!! Господи, за что мне это все? Все, что было до сегодняшнего дня это было легко и просто, но здесь собрались, наверное профессиональные спортсменки и я не выдержу этот темп... Как же больно!!! Будь проклята вся моя жизнь!!! Я или умру сегодня или проиграю и останусь в этом вечном рабстве...» Снова резь в сосках прогнала беспорядочные мысли — Андрей чуть увеличил темп, стараясь держаться разгоняющегося панамца. Трасса стала более ровной, но повторить попытку обойти Пятидесятку была бы плохой идеей — Девятка не была готова к еще одному рывку. Оставалось лишь держаться с той позиции, что была сейчас. В конце концов, третий номер при определенных обстоятельствах мог иметь шансы выйти на третий

тур.

В эти минуты в апартаментах Амирасланова кипели жуткие страсти. Все страшно ругались на Андрея за его непрофессиональную попытку неудавшегося обгона.

— Козел хренов! — пуще всех возмутился Гоша, чей финансовый интерес страдал, очевидно больше всего, — Каким долбо. бом нужно быть, чтобы слиться так бездарно! Ждать надо было дальше, ждать!

Он вскочил и возбужденно перемещался по номеру под насмешливый взгляд Ирмы.

Виктор Васильевич философски молчал, кривя улыбку и покачивая головой. Было похоже, что после победы Девятки на первом туре он, все же, сделал на нее какую-то немалую ставку. Но вместе с тем, как человек осторожный и немолодой, решил подстраховаться и распределил вложения среди остальных участниц, полагаясь не только на общую эйфорию, но и на их опыт.

— Не пыли, Гоша, — резонно заметила Ирма, — ралли еще не закончено. Присядь и не веди себя как ребенок.

— Не указывай мне!

— Тише, тише, молодежь! — зашипел Виктор Васильевич, — Вы где находитесь? Гоша, сядь на место и не шуми!

Гоша вернулся на диван, не забыв подлить себе порцию виски с колой и хмуро уставился в телевизор,

Трасса снова расширилась и сделав несколько затяжных извилин, выпрямилась и снова вышла к побережью. Несмотря на снижающийся пульс Девятки, Андрей продолжал колесить за панамцем, словно тень, поглядывая на пульс Девятки Он переключился на повышенную передачу и снизил обороты и теперь ждал, когда Ирина вернется в норму или у нее откроется второе дыхание или произойдет еще какое-нибудь чудо, но что-то по его мнению, должно было произойти. Семнашка все также лидировала оторвавшись от них метрах в ста. Ее первенство казалось все реальнее и реальнее.

Скорость мало помалу выросла до сорока и, судя по километровым столбам, оставалось еще около тридцати километров. Но трасса снова стала уходить влево, вглубь острова, и спортсмены снова оказались среди высоченного эвкалиптового леса. Скорость снова пришлось сбросить из-за ухудшения трассы. Андрей понизил передачу и увидел, что они почти настигли Семнашку.

Впрочем это было не удивительно, так как ее велосомобиль попросту встал. Так же как и пятидесятый. Трасса резко уходила в непонятную жижу, хотя справа метров через пятьдесят отчетливо виднелся очередной километровый столб.

Оксана в нерешительности стояла, понимая, с одной стороны, что трасса неизбежно проходит вдоль торчащего из болота столба, а с другой не решаясь въехать в черную жижу. В следующую секунду ее окатило ведром этой горячей забродившей жижей — Панамец, лишь слегка притормозив, решительно въехал в болото.

Несмотря на довольно высокие колеса, велосомобиль метров через десять почти встал оказался наполовину под водой. Андрей, не мешкая последовал за ним, но успев переключить передачу, Ирина с ужасом почувствовала горячее погружение, но машинально продолжила крутить педали, боясь получить лишнюю порцию электротока. Андрей немного снизил обороты, но тахометр продолжал показывать прежнее значение. Более того — не было привычного вскрика, что могло означать, что управляющий сигнал не поступил к

спортсменке. Он сообразил, нижняя часть Девятки, оказалась под водой и, даже если проводка была достаточно изолирована, то металлические кольца в ягодицах в любом случае были открыты и просто напросто оказались в воде. Веломобиль продолжал медленно но упорно двигаться, приближаясь к застрявшему панамцу, который оказался в какой-то яме, отчего его спортсменка почти по горло оказалась под водой. Управление на грудные электроды на приходило и она, не в силах провернуть педали, в замешательстве замерла, ожидая команды. Панамец спрыгнул с велосипеда и ухватившись за переднюю стойку, стал тянуть его вперед, вытаскивая из глубокого места. Ему это быстро удалось, и он снова вскочил за руль в тот момент, когда Андрей уже объезжал его. Следом сразу за Оксаной, решившейся, все-таки влезть в это болото, вереницей двигались еще четверо участников ралли. Андрей ликовавал — неужели и на этот раз судьба решила сделать ему подарок? Он миновал столб с цифрой пятьдесят три и увидел, что дальше трасса была обозначена частыми яркими шестами по обе ее стороны. В любом случае, потеряться было нельзя и он, снова решил рискнуть и переключил передачу.

Ирина тут же почувствовала как увеличилось сопротивление педалей. Громко запыхтев, она прокручивала их через силу. Вода все так же покрывала ее по пояс и электросигнал на снижение оборотов не мог поступить на ее задницу. Андрей помнил об этом, но кураж, свойственный его возрасту, помноженный на азарт и жажду победы «во что бы то ни стало», часто толкал его на необдуманные поступки. Контролируя пульс Ирины, который снова стал расти, он повел велосипед, разбрызгивая волны по сторонам прямо посередине между торчащими из воды шестами, полагаясь на то, что пронесет.

Неожиданно велосипед стал терять скорость и едва не встал, если бы жокей не понизил передачу. Колеса продолжали проворачиваться в трясине, наматывая на себя всякий мусор, водоросли и жмых тухлой листвы. Ирина чувствовала, как за ее ноги цепляются такие же отвратительные склизкие длинные листья и прочий мусор, но старалась не обращать на это внимания, боясь получить порцию тока в груди. Но в какой-то момент педали, словно на мгновение заблокировались и она замешкавшись, не смогла прокрутить их в требуемом темпе, однако разряда не последовало и она чуть снизила скорость. Андрей это заметил, но оставил рычаг в прежнем положении, не повышая обороты. Ирина тоже сообразила, что под водой ее ягодичные электроды не работают и самостоятельно стала замедляться пока не почувствовала удар током в соски. Она достигла порога, ниже которого ей нельзя снижаться и зафиксировала темп, продолжая ощущать, как по ногам что-то бесконечно противно скользит.

Наконец впереди, метрах в двухста показался сухой участок трассы. Андрей чуть прибавил обороты, и через некоторое время выехал из болота. Он бросил взгляд на пульсометр и, убедившись, что он в оранжевой зоне, резко увеличил обороты. Грудь спортсменки пронзило резким разрядом тока и она сипло закричав, снова стала раскручивать педали, выходя на нужный темп. Жокей, ликуя, переключал передачи, пока не разогнал до сорока километров в час, после чего снова замедлил вращение.

Он шел первым! Это было просто нереально. Он не верил глазам, но это было так. Оксана отстала от него метров на тридцать, а за ней шли еще три, среди которых был и панамец. Но. Вместе с тем, состояние Девятки оставляло желать лучшего. Пульс, войдя в красную зону, больше не снижался, несмотря на то, что они шли на правильно выбранной передаче и не на самых высоких оборотах. Он хорошо знал ее организм и, как правило, после любых бешеных

рывков и взрывных разгонов, он уменьшал нагрузку и пульс постепенно приходил в норму. Но в этот раз, почему-то этого не происходило.

У Ирины сбилось дыхание и стало не хватать воздуха. Единственное, что ей хотелось, так это сорвать с себя стягивающую голову маску и вырвать изо рта кляп, чтобы задышать полной грудью. У нее кружилась голова, несмотря на то, что в глазах было темно, казалось, что земля плывет под ногами.

Зловещая цифра приближалась к отметке 160 и Андрей тревожно обернулся назад, пытаясь понять, что происходит со спортсменкой. Она необычно дергалась и пыталась выгнуться, часто запрокидывая голову назад и мотая головой, словно ее что-то душило. Крепко пристегнутые к педалям ноги продолжали крутиться в требуемом темпе, но при этом дрожащие колени дергались из стороны в сторону, иногда она делала два-три взмаха руками, чтобы помочь ногам, но потом, руки безвольно замирали, словно отключаясь от всего тела.

Жокей скрепя сердце сбросил обороты, и она слегка замедлилась, но это не принесло ей облегчения. Пульс продолжал расти, добираясь до 170. Цифры стали мигать. А вместе с этим загорелся красный индикатор, указывающий на низкое содержание кислорода в крови спортсменки! Он еще снизил скорость вращения педалей, и снова обернулся. Девятка продолжала выгибаться, судорожно дергая головой, словно ее кто-то душил.

Тем временем их уже догнала Семнашка, а метрах в пятидесяти он нее вновь шел пятидесятый номер с камерункой, Пытаться делать рывок было бессмысленно. Андрей был в отчаянии. Он не понимал, что происходит. Возможно не выдержало поврежденное колено — может оно размокло в теплой тине и теперь стало причинять спортсменке сильную боль? Как узнать? Хотя, это вряд-ли. Слишком высокий пульс! Все говорило о том, что она задыхается. Он решил вручную увеличить подачу кислорода в воздуховод, и вдруг обратил внимание на то, что давно перестал слышать шипящий звук баллона. Может он опустел? Он снова обернулся назад и увидел, что трубка была на месте. Тогда что? И тут он увидел несколько проводков, болтающихся слева от клапана, регулирующего подачу. Они оторвались от клапана и он наглухо закрылся. Скорей всего это произошло, когда они пересекали грязную, полную коряг и веток трясину болота. И теперь весь этот дурацкий воздуховод только мешает нормальному дыханию. Он посмотрел на фильтр в широкой воронке воздухозаборника и с ужасом увидел, что он весь был забит тиной и мокрой грязью, полностью зелепившей все просветы, через которые должен был проходить воздух. Вот, в чем была причина удушья Ирины — дело было, даже не в кислороде! Он схватился рукой за массивный фильтр и несколько раз дернул его, пытаясь сорвать, но у него ничего не вышло, более того, он чуть не слетел с трассы, непроизвольно вильнув рулем. Он еще понизил обороты, снижая нагрузку на несчастную задыхающуюся женщину и снова, ухватился свободной рукой за край фильтра. Было неудобно, так как воздухозаборник располагался позади него и сбоку. После нескольких попыток сорвать непокорный пластиковый конус, он перехватил гофрированный шланг позади него и попытался сдернуть его с обратной стороны фильтра. На третий раз это ему удалось, Из круглого отверстия послышался Судорожный звук гортанного дыхания Ирины. Спортсменка шумно задышала, периодически взывая от страданий в своем латексном шлеме. Андрей подергал за шланг, попытавшись сорвать его с маски, но второй конец был привинчен на резьбу разъема шлема. Чертыхаясь и проклиная дурацкое изобретение инженеров-извращенцев, он стал наощупь, заведя руку назад, откручивать соединение, которое, к счастью поддалось с первого раза. Его уже почти обошел третий велосомобиль под

номером двести шесть. Наездник с неподдельным удивлением посмотрел на то, чем занимался Андрей, и покачивая головой, устремился вперед, оставляя за собой шлейф пыли. Спустя минуту, шланг, наконец был скручен. Жокей раздраженно бросил его прочь и посмотрел на Девятку. Та продолжала жадно в голос делать вдохи, но судорожные движения стали проходить и ему пришла в голову идея: он, отключил полностью передачу и резко двинул рычаг оборотов вверх.

Адская боль в грудях, минуя мозг, с сумасшедшей скоростью завертела ногами не успевшей как следует отдышаться Ирины. Дождавшись, пока Девятка максимально раскрутит легкие разгруженные педали, он резко включил повышенную передачу. Крик застыл в горле спортсменки, и вызвал спазм, от которого дыхание снова стало сбиваться. Ее тело снова напряглось, пытаясь выгнуться и удерживающие ремни, буквально впились ей в тело. Ноги Ирины уперлись в неожиданно ставшие тугими педали, вызывая тупую боль в коленях. Но эффект, был колоссальным. Веломобиль завертел колесами, потерявшими сцепление с грунтом и поднимая за собой густой клуб дорожной пыли, быстро стал разгоняться, догоняя ушедшую далеко вперед тройку соперников. Андрей влил в одуревшую от темпа Девятку большую порцию изотоника и низко пригнувшись, продолжал разгон, изредка поглядывая на пульс. Цифры мигали в районе ста восьмидесяти — критическое значение — и он знал, что в этом режиме у него есть не больше трех, в лучшем случае четырех минут, после чего можно будет ставить крест на всей гонке. Он посмотрел на часы — прошло около минуты. Скорость выросла до 47 километров в час. Девятка орала, во все горло, заглушая все вокруг. Впрочем, у остальных спортсменов так же стоял непрекращающийся безумный и разноголосый визг — к победе стремились все!

Наконец он включил высшую передачу и снизил обороты. Пульс упал до 160, что тоже было немало, но догнать группу лидеров было просто необходимо. Андрей с удивлением обнаружил, что его жалость и сочувствие к Девятке отступили на второй план. Им овладело четкое и непреодолимое желание победить. И спортсменка в этой ситуации является всего лишь приводом велосипеда, который должен работать правильно и без сбоев. За которым, разумеется нужен хороший уход и своевременное обслуживание, что для спортсменки означало качественное питание и постоянные тренировки. Все его сентиментальные переживания и жалость вмиг куда-то подевались, оставив холодный расчет и прагматизм. Есть установка на победу? Цель оправдывает средства. А крик и страдания за спиной — это всего лишь неизбежная реакция организма на раздражители. Просто физиология. Как звук обычного двигателя. Так устроен организм...

Прошла еще минут двадцать... Из-за сорванного с ее лица воздушного патрубка, ее крик раздавался громче обычного. Андрей поддерживал режим максимальной нагрузки, не давая ей спуску. Боль в коленях пульсировала в такт оборотам педалей, но боязнь лишней раз получить очередную порцию внезапно увеличившегося электротока заставляла ее ноги работать что есть сил. Казалось, что это ралли длилось уже неделю и не прекратится никогда. Наверное это и есть преисподняя, где происходит ее расплата за все совершенные когда-либо грехи. Ее сознание стало рисовать фантастические образы и сцены...

Андрей обошел. двести шестой велосипед и почти догнал панамца. Он видел, как работают крепкие руки Пятидесятки, помогающей себе с помощью рычагов. Ее черное блестящее от пота, словно смола тело ритмично раскачивалось в своем сиденье из стороны в сторону. Неожиданно она вся вздрогнула и Андрей понял, что панамец его заметил и увеличил

скорость. Он не мог сделать то же самое, не рискуя угробить Ирину и продолжал движение, наблюдая за белой сферой обтягивающего голову камерунки латекса. Невозможно было понять, насколько она измотана и остался ли у нее еще потенциал для дальнейшего разгона, но он продолжал надеяться. Метрах в тридцати перед панамцем неслась Оксана со своей Семнашкой. Оставалось девятнадцать километров до финиша и могло произойти, все что угодно.

На приборке редко мигала сигнальная лампа уровня кислорода. Ирина задыхалась, а система подачи кислорода была сломана. Продолжать движение в таком темпе можно было от силы еще минут десять-двадцать. Жокей громко чертыхнулся и снизил обороты.

Ирина продолжала находиться в прострации, наполовину находясь в своем велосипеде, а вторая часть сознания продолжала рисовать в ее воображении различные галлюцинации и странные воспоминания из далеких лет. Поступившие импульсы напряжения на ее электроды, почти не ощутились, почти мгновенно отозвавшись условным рефлексом на замедление работы. Ноги послушно снизили скорость вращения педалями, продолжая их крутить ровно и без рывков. Пятидесятый велосипед еле заметно отрывался вперед, но величина пульса стал стабилизироваться и снижаться. Он оценил расстояние до настигающих его сзади спортсменов и принял решение выждать еще какое-то время, давая Девятки время на восстановление.

Жужжание микропомпы впрыска регидрона в кишечник сменило тональность и он увидел, что емкость совершенно опустела. Более того, почти закончился изотоник. Как бы то ни было, главной проблемой было то, что женщина продолжала задыхаться. Ее крик стал тише, но судорожный свист воздуха через отверстие в кляпе становился все более прерывистым и жутким. Он еще раз обернулся, чтобы посмотреть на велосипед позади него и, пользуясь моментом, вынул баллон с кислородом из держащих его скоб вместе с отрезком шланга, воткнутым в бесполезный полностью закрывшийся клапан. Закрутив вентиль у выхода баллона, он оторвал и выбросил клапан, а пустой конец шланга стал просовывать между кляпом и уголком рта. Это ему удалось не с первого раза, но в конце концов, шланг вошел в дырку и уткнувшись куда-то спортсменки вызвал у нее кашель. Он чуть оттянул шланг и осторожно приоткрыл вентиль.

Ирина, почувствовала, как что-то жесткое, царапая и оттягивая щеку сначала ей в гортань, вызвав рвотный рефлекс, а затем, процарапав небо осталось во рту, но не придала этому никакого значения, так как уже не понимала, где граница между ее видениями и реальностью. В рот с шипом стал поступать кислород и, смешиваясь с вдыхаемым воздухом, стал наполнять легкие Девятки.

, Пульс к этому времени снизился до 150 и жокей, уменьшив управляющее напряжение, стал плавно увеличивать обороты. На этот раз ускорение произошло без вскриков и судорог. Ее ноги послушно раскручивали педали и велосипед вновь стал догонять идущих впереди спортсменов.

Неожиданно спереди стал раздаваться уже знакомый Андрею тонкий визг Семнашки. Ее велосипед, довольно уверенно шедший впереди всей гонки стал двигаться рывками и вскоре стал замедляться, несмотря на отчаянные попытки Оксаны сохранить позицию. Было очевидно, что с болидом что-то не так. Панамец перестроился правее и быстро стал сокращать разрыв. Неутомимая кенийка крутила педали, словно мотор и было видно, что это еще не предел, но опытный жокей берег ее силы и берег их для последнего рывка, тем более,

что он понял, что у Семнашки проблемы и она вот-вот сойдет с дистанции.

Так и случилось — уже через десять минут он ее, наконец догнал и, легко обогнав, устремился вперед, оставляя за собой раздосадованную Оксану. Семнашка получала бесконечные порции электроразрядов и изо всех сил вертела ногами и руками, но неожиданно возросшее сопротивление не давало ей возможности выйти на нужную скорость. Было похоже на поломку трансмиссии. Как бы то ни было, техническая неисправность ее болида поставила крест на ее победе и Оксана, понимая это, оставила спортсменку в покое, замедлив ход и сойдя с трассы.

Андрей продолжал увеличивать обороты, пока пульс Девятки снова не стал выходить на анаэробную зону. Учитывая остаток пути — около семи километров — дальше ускорять Ирину было опасно. Тем не менее скорости явно не хватало для выхода на первое место. Панамец тоже понял, что его единственный потенциальный соперник достиг предела и прекратил разгон и ровно шел навстречу победе. Его кенийка работала с максимальной отдачей и этого вполне хватало для сохранения позиции.

Через десять минут трасса расширилась до семи полос и, спрямилась. Впереди показался финиш и стало окончательно понятно, что ситуация останется неизменной до конца заезда. Оставался последний километр пути. По обе стороны трассы за низким ограждением болельщики размахивали цветастыми флагами выкрикивали какие-то речевки. Андрей, трезво оценив ситуацию, щадя Девятку, снизил обороты и под крики толпы завершил гонку вторым.

— У него не было шансов, — успокоительно заметил Виктор Васильевич, обращаясь то ли к Гоше, то ли к Амिरасланову, который, впрочем не выглядел сильно расстроенным.

Присутствующие стали наперебой спорить, предполагая, что могло быть, если бы что-то там... Но Амिरасланов, подняв бокал, произнес примирительный тост за то, что это не самый худший вариант и шансы на победу еще есть.

Запросы на продажу Девятки увеличились и ему пришлось отключить надоедливые звуковые уведомления, чтобы не отвлекаться каждую минуту на пиликанье телефона.

Генерал улыбаясь поинтересовался о цене. и Амिरасланов озвучил сумму в сто девяносто тысяч. — И это при втором месте? В полтора раза подорожала? — воскликнул Гоша, тараща глаза на телевизор, где показывали, как распрягали из велосипедов обмякших от усталости спортсменов, и клали их на прямо на траву, так как стоять на непослушных ногах они просто не могли.

— А что ты хотел? — снисходительно посмотрела на него Инга, — это же не просто лошади... Само участие в международных соревнования уже в сотни раз поднимает их цену. А второе место это очень и очень неплохо!

— Эх, жаль, не продается... — с сожалением в голосе вздохнул Гоша и стал сосредоточенно подсчитывать свой очередной выигрыш, копаясь в мобильном приложении тотализатора.

Андрей распряг еле живую Ирину и суетливые служащие ипподрома, на специальной тележке отвезли в подтрибунное помещение, где положив на одну из твердых деревянных скамеек, оставили приходить в себя, сняв с головы латексный шлем и пристегнув за ошейник к кольцу на стене. Пройдя необходимые формальности с подписями в каких-то судейских документах о результатах, он только спустя час смог пробраться к Девятке, которая так и лежала на деревянной койке глядя немигающими глазами перед собой и, находясь в полубморочном состоянии. Она судорожно делала глубокие вдохи, срываясь иногда на

кашель, а дрожащие ноги то и дело дергались, словно продолжая проворачивать несуществующие педали воображаемого велосипеда. Наездник узнал ее по смазанной от пота девятке на грязном теле. Ее багровое опухшее от эластичного шлема лицо, изменилось до неузнаваемости. Она умоляюще посмотрела на него и, тихо завыв, затряслась от плача.

Ошеломленный Андрей присел подле нее и стал гладить ее липкое от пота тело, покрытое жухлой трухой и дорожной пылью. Увеличившиеся плотные соски на грудях побагровели и были похожи на две спелые вишни, из которых, словно сок стекали блестящие струйки сукровицы. Серые грязные бинты на правом колене размотавшись сползли на голень, обнажив кровоточащую рану. Пальцы на ногах и руках сжались от судороги и побелели в суставах, а под лавкой образовалась лужица мочи, редкими каплями вытекающая из трубки катетера.

Слезы жалости проступили у молодого жокея, когда он поймал полный отчаяния и обреченности взгляд спортсменки. Казалось, что ей уже совершенно безразлично, выиграет она соревнования или нет. Единственное, что ей сейчас хотелось больше всего — так это прекратить все и умереть...

На соседних скамейках лежали такие же измученные спортсменки. Не в силах подняться, они беспомощно мычали сквозь свои уродливые кляпы, глядя на своих наездников, словно что-то пытаясь сказать. Единственная спортсменка, державшаяся на ногах была кенийка — пятидесятый номер. Она самостоятельно прошагала за панамцем к шлангу с рассеивателем и, прикрыв глаза стала с наслаждением подставлять каждый участок своего тела под прохладные и успокаивающие струи воды. Жокей бережно поглаживал ее по телу, помогая смыть пот и грязь с красивого стройного тела и весь его торжествующий вид говорил о том, что он искренне благодарен ей за победу. Он что-то бормотал по-испански, время от времени похлопывая ее по щекам и плечам и она с усталым, но вместе с тем, невозмутимым лицом принимала эти знаки благодарности.

Они удалились из душа сами, когда за остальными прикатили специальные тележки, так как было очевидно, что больше никто из спортсменок не сможет даже встать на ноги.

Андрей ушел в раздевалку, а спортсменок повезли к медикам.

— Итак, дорогой Константин Валерьевич, — неспеша говорил Амирасланов, сидя в глубоком мягком кресле и держа в руках стакан минеральной воды со льдом, — Уже вечер, так что, я с интересом хотел бы узнать каково состояние нашей Девятки. Да и вообще, что вы думаете о том, как проходят соревнования?

— Говоря честно, господин Амирасланов, она не в лучшей форме. Рассеченное колено, повышенное содержание молочной кислоты в крови...

— Так, ладно, пожалуйста, Костя, давай без подробностей, особенно тех, в которых я ничего не понимаю, мне вкратце и по-русски: может продолжаться или нет?

— Может...

— Отлично! — быстро подытожил Амирасланов, — Значил послезавтра последний тур и у нас есть шансы.

— Но я не уверен, что двух дней ей хватит на восстановление. Организм истощен и, хотя спортивные медики и дают положительный прогноз, но у нее болезненная травма.

— Ну это ничего, — отмахнулся Амирасланов, — вколите ей что-нибудь местно, вы же знаете лучше меня.

Сидевшие рядом на диване Руслан и Семен с интересом слушали разговор, и предпочитали

не вмешиваться.

— Сколько у нас баллов сейчас?

— Пять, — ответил Доктор.

— А у панамцев?

— Шесть. И это лучший результат.

Семен поднял руку.

— Говори, Семен, — кивнул ему Амирасланов, — и не надо, как на партсобрании...

— Но у Девятки хорошие данные в атлетике. По нормативам, она лучшая, чем кто-либо у нас был. Я думаю, что шансы весьма неплохие.

— Да, но с ее травмами будет сложно принять нужное положение на стойке, — снова возразил Доктор, рана расположена на довольно чувствительном участке тела и будет беспокоить во время упражнений!

Амирасланов задумался. В воздухе повисла напряженная тишина, которую, наконец прервал Руслан:

— У нас все равно нет выбора. Или продолжать борьбу или сниматься с соревнований. Чего не хотелось бы. Я думаю, первый вариант лучше.

— Да, — поддержал его Семен. — Я тоже думаю, нужно продолжить. Константин Валерьевич, вы же бог в медицине! Сделайте ей какой-нибудь укол. Нестероидный препарат, какой-нибудь, ну не знаю!

Доктор смотрел на Амирасланова и ждал окончательного вердикта, который наконец прозвучал.

— Делайте свое дело, Костя... Девятка должна выступать. Все!

Через два дня, наступил финальный тур соревнований, который проходил в специальном спортивном дворце. Зал был выполнен в виде амфитеатра с тонированной крышей.

Зрительские ряды были до отказа забиты болельщиками.

В финал вместе с Ириной вышла кенийка и рослая, бритая наголо спортсменка из Голландии под номером восемьдесят четыре. Несмотря на старания Доктора, Девятка чувствовала себя отвратительно. Все мышцы тела гудели, а рассеченное колено распухло и продолжало саднить. Перед выступлением Костя местно вколол ей какое-то обезболивающее, но оно почти не помогало. С каждым шагом она прихрамывала и морщилась от боли, однако Руслан не обращал на это никакого внимания, так как бегать ей в этом этапе не придется.

Любовь Васильевна заново покрасила все опознавательные номера и логотипы на ее теле и нанесла легкий макияж, после чего Руслан, как главный тренер команды, стянув ей руки за спиной, повел ее в медицинский корпус.

Контрольный осмотр прошел довольно оперативно. После промывания кишечника у спортсменок взяли анализы, после чего провели стандартные процедуры по измерению давления и ЭКГ. Небольшая заминка произошла у хирурга, который кивнув на разодранное колено Ирины, вопросительно посмотрел на Руслана. Тот кивнул, и врач, переговорив с коллегами, поставил свою подпись под справкой. Дольше всех спортсменками занимался проктолог. Он придирчиво осматривал каждый миллиметр заднего прохода на предмет недопустимых патологических отклонений. Не обнаружив ничего, что могло бы служить поводом для отстранения от последнего тура, он впрыснул в прямую кишку Девятки порцию какого-то геля и, поставив свою подпись во всех разрешительных документах, передал женщин контролерам.

Спортсменкам завязали глаза и, прицепив браслеты на запястьях к переднему кольцу пояса, отвели в подготовительную комнату, где на полу лежали три жутких оцинкованных, похожих на гробы, контейнера, наполовину наполненных пенопластовым наполнителем, как для почтовых посылок. Ирина почувствовала как две пары рук подхватили ее и уложили во что-то мягкое и рыхлое. Ноги в щиколотках и коленях тут же стянули какими-то ремнями и что-то мягкое и легкое стало сыпаться на ее тело сверху.

Контроллеры в присутствии тренеров плотно закупорили крышку контейнера, предварительно выведя наружу трубку из дыхательного отверстия кляпа к вентиляционной дырке в корпусе. Ящики промаркировали в соответствии с номерами участниц и быстро вынесли во двор, где погрузив на телеги, запряженные парой «кобыл», покатали к спортивному дворцу.

Ощущение обездвиженности быстро привело Ирину в ужас. Руки и ноги еле шевелились в ограниченном пространстве, а кромешная тьма в глазах снова начала повергать ее в панику. Единственное, что она могла, так это дышать. Дорога до дворца спорта заняла более получаса. Металлические ящики на солнце быстро нагрелись и ей казалось, что ее поместили в микроволновую печь. Ее тело покрылось липким потом и стало зудеть от налипших шариков пенопласта.

Наконец телеги въехали во двор большого спортивного сооружения, где их оперативно разгрузили шумные работники и отнесли в прохладный зал с тремя специальными стендами, для дальнейшей подготовки спортивными специалистами. Они положили ящики на пол и покинули помещение. Спустя некоторое время в зал вошли несколько человек, среди которых был медик и быстро приступили к работе. Девятка с облегчением вздохнула, всем телом ощутив свежий прохладный воздух как только открылся ее ящик. Через минуту ее разгоряченное тело содрогнулось от внезапных струй холодной воды — специалисты смывали с ее тела пот с налипшей на него крошкой пенопласта. Затем, отстегнув руки от пояса и, сцепив между собой, подвесили за них с помощью веревки на двойном блоке в потолке. Ее тело стали натирать каким-то ароматным маслом, после чего она заблестела в свете ярких прожекторов зала.

Спортивный медик терпеливо ждал, покуривая сигарету и что-то изучая в своем рабочем планшете, пока спортсменок мыли и обильно натирали маслами. Наконец специалисты уложили Ирину на стол растянув ее за ноги и руки с помощью веревок. Они пристегнули ее тело и конечности к столу с помощью ремней, полностью лишив возможности двигаться и тогда к столу подошел медик.

Тщедушный и невысокий пожилой человек с залысиной на затылке и редкими седыми волосами. На носу держались старомодные очки с толстой оправой бледно-розового цвета. Первым делом он вставил ей в рот надувной кляп-намордник и закрепил на затылке ремешком. Сделав несколько качков грушей он раздул его так, что щеки Ирины растянулись вширь и вынул трубку с грушей, оставив снаружи лишь кончик отверстия с клапаном. Затем он тщательно протер ареолы вокруг сосков Девятки спиртом, удалив лишнее масло и оросил их каким-то раствором из пульверизатора. Ирина почувствовала, медленно нарастающее чувство тепла на своих грудях, словно их погрузили в теплую воду. Тем временем, врач взяв в руки нечто, вроде мухобойки — небольшой резиновый лоскуток, прикрепленный к короткой деревянной ручке и стал легонько похлопывать ее по нежной плоти молочных желез, стараясь не пропускать ни одного сантиметра вокруг набухших от волнения сосков. Это были

легкие пошлепывания, не причинявшие ей особого беспокойства, но со временем, она ощутила, как тепло постепенно стало превращаться в жар и ее тело невольно стало вздрагивать, ежиться и пытаться сдвинуться в сторону, пытаясь увернуться от боли. Однако, крепкие ремни надежно держали ее на столе. В зал вошли несколько операторов местной трансляции с камерами и освещением. Они перекинулись со стоящими в сторонке специалистами парой фраз, после чего подошли к столу и стали снимать происходящее.

В огромном зале-амфитеатре уже собрались зрители, несмотря на то, что до начала соревнований оставалось чуть больше часа. Дело в том, что с определенных пор стало традицией транслировать подготовку спортсменок и последующую инсталляцию на мониторы в зале. Зрители с огромным интересом наблюдали за всеми действиями и манипуляциями над женщинами, заранее заполняя места в зале проведения соревнований. Это увеличивало оборот напитков, снеков и сувениров за счет лишней пары часов перед началом. И сейчас взоры десятков тысяч пар глаз были прикованы к огромным экранам, висящим под сводом дворца, где можно было во всех подробностях видеть все то, что происходило в комнате с тремя финалистками соревнований.

Груды Девятки приобрели ярко-розовый цвет и мужчина в очках закончил процедуру и снова оросил их раствором. Тело Ирины свела внезапная судорога от нестерпимого жара, пронзившего весь торс. Впившиеся в тело ремни, удерживающие ее тело на столе, казалось не выдержат и вот-вот разорвутся, но через мгновение судорога прошла и женщина обмякла. Ее освободили от ремней и повели к одному из стендов.

Конструкция представляла собой сваренную из хромированных труб раму, высотой около трех метров. Основа была выполнена в виде платформы на колесах для удобства перемещения. К двум вертикальным столбам были приварены две небольшие платформы с кожаными сандалиями для ступней. Расположение платформ относительно друг друга регулировалось.

Ирине надели на ноги по кожаному ремню несильно закрепив их прямо под коленями, после чего помогли взобраться на сооружение и крепко ноги в неподвижных сандалиях, заставили опуститься на корточки. И зафиксировали в таком положении с помощью металлических хомутов за шею и пояс. Хомуты регулировались по высоте вдоль основного вертикального шеста прямо позади спортсменки. Заведенные за спину руки также прикрепили к заднему столбу за браслеты. Бедра, как обычно стянули с икрами с помощью пары ремней. Колени развели в стороны с помощью обычных веревок, продев их под ремнями у колен. и привязав к боковым столбам. По обе стороны от головы на специальных кронштейнах были установлены жидкокристаллические мониторы.

Закончив с Девяткой, работники занялись второй спортсменкой, предоставив остальную подготовку специалисту. Однако тот был занят обработкой грудей третьей спортсменки и Ирине пришлось некоторое время ждать в неудобной, но весьма презентабельной для шоу позе.

Наконец спортивный медик подошел к обездвиженной Девятке и внимательно осмотрев ремни, надел медицинские перчатки и занялся к анальному отверстию спортсменки. Он втирал смазку, массируя внутренние стенки ануса, все глубже проникая внутрь пальцами, разминая мышцы сфинктера. Затем он прикрепит к заднему столбу кронштейн с втулкой-держателем, сквозь которую свободно перемещался шток, нижняя часть которого заканчивалась металлической платформой, а верхняя резьбой. Мужчина расположил шток

точно под анальным отверстием Девятки и, разорвав полиэтиленовый пакет, извлек оттуда блестящую металлическую грушевидную пробку пяти сантиметров в диаметре. Он накрутил ее на шток и обильно покрыл смазкой, после чего стал медленно приподнимать, вдавливая в анальное отверстие. Оттягивая в стороны за ягодицы, он проталкивал ее все глубже, пока она не скрылась внутри дрожащей от напряжения женщины. Оставалось лишь отрегулировать высоту расположения участницы, чтобы при лежащей на полу платформе груша не вываливалась из ануса полностью. С помощью червячного механизма, он стал прокручивать рукоятку в основании рамы-стенда, поднимая Девятку вверх, пока груша не стала выпячиваться из ануса почти полностью. Он зафиксировал положение и приподняв платформу, вернув грушу внутрь подложил под платформу деревянный брусок. В завершение подготовки он подсоединил все провода к электродам на теле женщины и занялся второй участницей.

Через полчаса все было готово и работники, накрыв каждый стенд темно-багровым полотном ткани, покатали из в громадный зал, откуда все громче стала раздаваться музыка вперемешку с гоготанием и воем толпы, которой посчастливилось купить билеты на последний финальный тур соревнований, где для многих результат мог оказаться судьбоносным. Ограниченное количество мест сказывалось на баснословных ценах за места. Поэтому в зале собрались в основном толстосумы, которые могли себе это позволить, остальным же оставалось смотреть лишь прямую трансляцию этого важного этапа или в номерах отелей или в многочисленных кафе и забегаловках.

Когда на сцену вкатили все три платформы под интригующим бордовым балдахином, зал взволнованно зашумел, пока ведущий не поприветствовал зрителей. После короткой вступительной речи, он наконец призвал зрителей поприветствовать участниц и взмахнул рукой в сторону сцены. Персонал резко стянул ткань с трех стендов и одновременно яркие прожектора вырвали из полутьмы зала завораживающие тела женщин, словно лабораторные лягушки беспомощно растянутых и пригвожденных к ужасным штативам.

Над каждым стендом на больших экранах стали мелькать имена и изображения участниц с подробным описанием их данных и текущий статус результатов соревнований. На мониторах рядом с головами спортсменок крупным планом появилось изображение их лиц, чтобы зрители могли понять кто есть кто, так как с полузакрытыми уродливыми намордниками и повязками на глазах они в целом были неузнаваемы. Вторые мониторы были предназначены для отображения текущего веса платформы и сейчас показывали 10 кг.они ничего не видели и не слышали. Кровь с колена Ирины стекала по торцу платформы, где была зафиксирована ее ступня и уже капала на пол. Боль словно перемещалась с колена на груди и через секунду обратно, заставляя сочиться слезы из-под повязки по щекам к подбородку. Ее плечи вздрагивали от плача, заглушенного туго накачанным во рту кляпом, лишь через булькающие соплями ноздри вырываясь жалобным мычанием. Grimаса ужаса и страдания была почти полностью скрыта повязкой и намордником и вряд ли в зале был хоть один зритель, который хоть как-то представлял величину мук, испытываемых теми, кто разыгрывал им ставки. Ирина обезумев от боли продолжала рыдать трястись от боли в ожидании новой порции электротока, приготовившись во что бы то ни стало втягивать ужасную сферу груши еще и еще, пока не кончатся силы и не отключится мозг. Не в состоянии отсчитывать секунды, она просто сконцентрировалась на том чтобы вдохнув, изо всех сил сжаться в комок и сомкнуть ягодицы. Зад ныл и пульсировал от напряжения и ей

казалось, что вот-вот и она вся вывернется наизнанку. Как она ни готовилась к удару током, взрыв в сосках произошел так же внезапно, как и всегда. Она выгнулась струной и мышцы сфинктера вновь сжались, обхватив скользкую грушу и втянув внутрь, на сколько хватило сил. Второй и финальный зуммер прозвучал, тут же утонув в реве толпы, окончательно развеяв сомнения и надежды страждущих. Голландка уронила платформу на отметке девятнадцати с половиной килограмм! В нее полетел тот же мусор, что и в кенийку, успев оставить на ее белом теле несколько размазанные пятна от ярких плодов и ягод, перед тем как плотная бордовая ткань накрыла стенд с дрожащей от досады и бессилия спортсменки. Платформа Девятки опустилась, через положенные пять секунд и загремел победный гонг. Все прожектора вспыхнув одновременно направились на победный стенд с часто дышащим телом Ирины, которая, по всей видимости продолжала ждать очередной порции боли и снова готовилась к упражнению.

Ведущий орал, безуспешно пытаясь перекричать перевозбужденный зал, оглашая результат тура и, как следствие выход Девятки в чемпионы. Часть зала рванула к выходу, многочисленным окошкам тотализатора, где суетливые сотрудники спортивного комплекса выдавали результаты выигрышей. Остальные продолжали оставаться, наблюдая, как на подиум вышла ярко разукрашенная разноцветными перьями группа из дюжины полуобнаженных танцоров и танцовщиц. Тут же грянула ритмичная музыка и началось музыкальное шоу. Невероятно гибкие девушки заводили зрителей энергичными движениями и позами, носясь по сцене вокруг оставшейся в ярких лучах софитов Девятки. Все это было похоже на дикий первобытный ритуал, где Ирина со своей окровавленной ногой, словно идол в своей неестественной позе на постаменте была похожа на жертву и на богиню одновременно. Ее живот, словно под ритм барабанов то втягивался то надувался, грозя вот-вот лопнуть от перенапряжения. Выступление продолжалось около двадцати минут, в течение которых сменилось три танцевальные группы. В заключение на сцену вышел владелец спортивного комплекса — крепкий подтянутый азиат в белом костюме, председатель жюри и тренер клуба Амирасланова Руслан, наспех успевший надеть на себя синий с отливом костюм.

Музыка стихла и ведущий предоставил слово владельцу. После короткой торжественной речи тот поздравил Руслана и объявил сумму призового фонда — два с половиной миллиона долларов. Широко улыбнувшись, он вручил чек Руслану и призвал проигравших не падать духом, а учесть ошибки и недочёты и готовиться к следующим состязаниям.

Ирина не понимала, что происходит. Жестокие вспышки боли на ее электродах прекратились уже давно, но вместе с тем ничего не происходило. Казалось, про нее совсем забыли. Стянутые в коленях ноги полностью онемели и практически не ощущались. Тянувшая боль в заднем проходе пульсировала редкими спастическими сокращениями мышц кольца, стремящихся вытолкнуть застрявшую в самом неудобном месте грушу. Дискомфорт, помноженный на неопределенность провоцировал нарастающее беспокойство и панику. Что за пауза? Все закончилось? Что теперь? Кто? Постепенно сознание стало покидать ее и она отключилась, поникнув головой.

В этот момент выступление организаторов соревнований, подошло к концу и под радостный шум зала снова грянула музыка и платформу с чемпионкой медленно покатали с подиума. Ирину вернули в помещение, где ее ожидал со скучающим видом тот же самый пожилой врач. Он быстро проверил пульс спортсменки и, окликнув курящих в стороне помощников,

велел снять её со стенда.

Она очнулась спустя час в палате клиники с привычной уже капельницей над головой и раздражающим пиканьем кардиомонитора. Все тело ощущалось одной сплошной тянущей болью, усиливающейся при малейшей попытке пошевелиться. Через затянутое белой тканью окно в палату яростно просачивались лучи знойного солнца, однако было не жарко — клиника была оснащена климатической системой. Неожиданно перед глазами возникло круглое черное улыбающееся лицо медсестры. Ирина увидела, как ее губы зашевелились — очевидно, медсестра что-то спросила. Девятка вопросительно подняла брови и попыталась ответить, что ничего не слышит из-за затычек в ушах, но непослушный рот, все еще забитый надутым кляпом лишь промычал что-то нечленораздельное. Медсестра еще шире улыбнулась и, отошла. Через десять минут она вернулась и поправив иглу в вене, впрыснула в трубку капельницы какой-то препарат, Через минуту спортсменка снова отключилась.

50

В особняке Амирасланова в это время было очень оживленно. Весь остаток дня его свита отмечала ошеломительную победу, Сам он с Доктором и главным бухгалтером клуба несколько часов провел в административном здании спортивного комплекса, подписывая необходимые документы, формально необходимые для официального подтверждения статуса победителя. Награждение было назначено на следующий день, после чего можно было покинуть остров.

Ирина несколько раз просыпалась и пыталась сообразить, день сейчас или ночь. Перед глазами в ярком свете постоянно появлялась пустая капельница, а угловое зрение иногда улавливало какое-то движение вдаль. Возможно это была медсестра... Ужасно тошнило но пошевелиться не было никаких сил. Пару раз она попыталась подать голос, и тогда ее слух улавливал какое-то жалобное мычание. Ей и в голову не приходило, что это ее собственный голос. Через некоторое время она снова отключалась. А спустя несколько часов все повторялось снова. Наконец она снова увидела капельницу. На этот раз она была наполовину наполнена какой-то жидкостью. Какая-то санитарка меланхолично приблизилась к ее койке и, присев, сменила утку для мочи, куда был спущен конец катетера. Ирина снова попыталась е окликнуть, но язык уперся во что-то тугое и она вспомнила, что ее рот, как всегда закрыт кляпом.

Ближе к вечеру ее покормили через зонд и медсестра вколола ей что-то, отчего стало как-то легко и она уснула.

Наутро ее подняли два санитары и, напялив на торс подобие смирительной рубашки, усадили в медицинскую коляску. Руки и щиколотки тут же оказались пристегнутыми к поручням и передним стойкам возле колес. Еще два ремня зафиксировали ее шею и пояс. Впрочем, ей даже в голову не приходило желание встать на ноги или высвободиться. Единственное чего хотелось больше всего, так это снова лечь и уснуть. Ее покатали по коридорам клиники, пока она не очутилась в компании нескольких таких же колясок в полутемном служебном помещении для разгрузки медикаментов и инвентаря. В одной из них она с трудом узнала Семнашку. Опустив голову, она смотрела на свои колени и совершенно не шевелилась, проявляя полное безразличие ко всему вокруг.

Спустя некоторое время ворота в помещение отворились и вместе с ярким солнечным светом в помещение въехали три грузовые телеги. В двух из них Девятка узнала тренеров своего

клуба. Они быстро отстегнули Девятку и семнашку от инвалидных кресел и положили прямо на пол в каждую из телег.

Через полчаса они прибыли в дом с конюшней. Их погрузили на носилки и внесли в дом. Ирину внесли в один из номеров, где ее ждал Костя и уложили на кушетку. Он вскочил и тут же занялся ее осмотром. Наконец, он вынул кляп из ее рта и удалил ушные затычки:

— Ну, здравствуйте! Как вы?

Его голос, словно гром прогремел в ее голове, заставив сжаться и зажмурить глаза.

— Простите, — продолжил Доктор, — ваш слуховой орган долго находился в тишине и сейчас все звуки будут казаться вам чересчур громкими. Я постараюсь говорить тише... Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, уже немножко получше. Только голова болит тошнит ещё... — еле двигая непослушными губами, ответила женщина, присаживаясь на стул, куда жестом указал Костя.

— Это действие успокоительного. Через несколько дней пройдет. Ну что же — вы, наверное, ещё не знаете, чем закончились соревнования?

Ирина посмотрела на Доктора глазами, полными отчаяния и надежды и покачала головой. Она дрожала, осознавая, что сейчас ей предстоит услышать фразу, которая определит ее дальнейшую судьбу. Константин Георгиевич сейчас казался ей судьей, который вот-вот зачитает приговор, который либо завершит весь кромешный ад, превративший ее в безмолвную скотину для утех толп извращенцев, либо возвратит ее в прошлый мир, в котором, как ей теперь казалось, и не было никаких изъянов, словно это был рай.

— Я поздравляю Вас — Вы заработали себе свободу!

Перед ее глазами все поплыло и она стала заваливаться на бок. Костя и, находившийся в номере один из тренеров клуба едва успели ее подхватить.

— Давайте туда, аккуратно! — воскликнул Доктор, кивая в сторону узкой кушетки у стены. Он помахал перед ее носом ваткой, смоченной в нашатырном спирте и женщина, сморщившись, очнулась. Из ее глаз потекли слезы и она беззвучно заплакала. «Неужели я свободна?» — вертелось в голове. «Неужели конец всему этому аду, в котором она смогла выжить вопреки всему и всем. Неужели я снова человек?» Где-то далеко она слышала невнятные слова Кости и вторящего ему тренера. Кажется, они поздравляли ее и произносили какие-то слова одобрения и поддержки. Но ей было совершенно безразлично, о чем именно они говорили. Ведь главное — СВОБОДА! Она больше не обязана никого слушать и никому подчиняться. Она скоро вернется домой. К Диме, в свою пусть и небольшую, но самую уютную на всем белом свете квартиру. Она скоро сможет, наконец говорить! Она обязательно будет говорить о чем угодно, с кем угодно и когда ей вздумается. Сначала она обязательно устроит себе горячую ванну с пеной и будет долго долго отмачивать свое истерзанное и тело, которое, наверное впитало насквозь всю грязь и мерзость кошмара, который ей удалось пережить. А потом она упадет ничком в постель и будет спать целые сутки! А может и целую неделю... или месяц. Как можно дольше! А потом она приготовит себе какое-нибудь мясо по-французски и картофельное пюре...

— Послушайте меня, Ирина! — неожиданно по имени обратился к ней Костя. — Я понимаю, что вы чувствуете, но пожалуйста, вернитесь. Мне нужно рассказать вам, что будет дальше!

Спортсменка вздрогнула и, широко раскрыв мокрые от слез глаза, уставилась на Доктора.

— Да, Доктор, извините меня... Я так долго ждала этого момента! Я не верила... Неужели это не сон? Скажите — я сплю? Или я умерла?

Костя рассмеялся и легонько ущипнул ее за плечо.

— Конечно же это не сон! Вы почти свободны!!

— Почти? — встрепелась женщина. — Почему почти? Разве я не могу уйти прямо сейчас? Я же могу, наверное, купить билет и улететь прямо сейчас! Нет?

— К сожалению, пока не можете. Вам придется вернуться обратно тем же маршрутом, каким и прибыли сюда. Потом нужно будет уладить все формальности, завершить контракт и так далее... Но не волнуйтесь — это займет совсем немного времени! В конце концов, Вы так долго ждали этого момента...

Ирина молча отвернулась и еле слышно ответила:

— Я жила этим моментом, Доктор. Ну да ладно. Надо, так надо. Подожду еще...

Костя оказался прав — это заняло всего несколько дней. Буквально на следующий день ей дали надеть то летнее платье и туфли, которые ей выдала Люба ещё на острове. Через два дня она, в сопровождении двух крепких и неразговорчивых мужчин, прибыла наконец в столичный аэропорт, где их поджидал тонированный минивэн. Через два часа она уже входила в тот самый трехэтажный особняк, с которого начались ее злоключения.

Ее встретил незнакомый охранник и повел по знакомым коридорам к лифтам. Они спустились вниз и через минуту она, слегка прихрамывая на поврежденную ногу, уже входила в комнату хирурга.

В нос ударил неприятный спертый запах. Ирина снова увидела несколько расположенных в ряд гинекологических кресел, на одном из которых была пристегнута девушка с большими расширителем в заднице. Она тяжело дышала и слабо скулила сквозь надутый во рту кляп.

— Вы посмотрите, кто к нам приехал! — раздался голос Сан Саныча. Седоусый врач, улыбаясь поднялся из-за стола, за которым осталась сидеть неизменная ассистентка — Женечка. — Я вижу, к нам вернулась наша очаровательная знаменитость! А что с нашей ножкой?

Ирина неловко улыбнулась, но памятуя о правилах, не произнесла ни слова в ответ.

Хирург по хозяйски положил ей руку на плечо и с любопытством посмотрел ей в глаза:

— Ну как ты, милочка? Можешь отвечать, тебе уже можно! — рассмеялся он.

— Спасибо, Сан Саныч, — ответила женщина, опуская взгляд в пол, — Все нормально.

— Ишь ты, скромница какая! — усмехнулся врач, — Ну ладно, проходи к вешалке. Как это принято у нас говорить, раздевайся и на кресло. Снимем с тебя все лишнее. Не бойся это не больно.

Ирина скинула с себя единственное платье, оставшись в простых туфлях на невысоком каблуке и повернулась к Сан Санычу.

Тот невольно задержал взгляд на ее теле:

— Женечка! Ты посмотри, как похорошела наша Девяточка! Окрепла, постройнела... ни грамма лишнего. Молодцы наши ребята все-таки — знают свое дело.

Весело подмигнув Ирине, он добавил:

— Одежда тебя портит, милая! Так... Давай на кресло!

Через полчаса он избавил ее от металлических колец-электродов в ягодицах и сосках и, сняв повязку на колене, внимательно осмотрел рану и, сменив повязку, позвал охранника.

Напоследок он посоветовал ей сделать МРТ коленного сустава.

Ей вернули ее вещи, изъятые в тот роковой день в комнате без окон и она, облачившись в непривычную уже одежду присела за низкий столик с графином воды.

Вскоре дверь отворилась и появилась знакомая дама в длинном платье и двое подтянутых молодых человек в строгом костюме.

— Здравствуйте, Ирина Алексеевна! Меня зовут Алексей Владимирович. Я представляю организацию, с которой у вас заключен контракт и, насколько мне известно, его вами выполнены все его условия для его прекращения.

— Здравствуйте, — поднялась из-за стола Ирина.

— Присядьте, — властно произнесла женщина в длинном платье. Сейчас наш юрист займется формальностями, во время которых вам нужно будет подписывать документы.

Ирина опустила на стул и внимательно посмотрела на молодого человека. Второй парень установил на штатив видеокамеру и, направив строго на Ирину, включил запись.

Процедура заняла ни много ни мало сорок минут. Алексей не останавливаясь, говорил, поясняя каждый документ и по несколько раз переспрашивая женщину и требуя произносить ответы глядя в объектив камеры. В заключение ей была выдана бумага с актом выполненных информационных услуг в пользу какой-то организации, в связи с чем была погашена ее задолженность в размере ста тысяч долларов. Второй акт с точно таким же текстом гласил о предназначавшихся ей двух тысяч долларов. Ирина удивленно взглянула на сумму и спросила:

— А за что это?

— Это, по-видимому, какой-то бонус, за ваши услуги которые не были прописаны в контракте, но вы их выполнили. Помните, может вас привлекали на какие-то дополнительные, не связанные с основной деятельностью работы? Вам виднее...

Ирина прикрыла глаза. Конечно же она вспомнила — это съемка фильма где ее публично пороли какие-то люди. Старый извращенец Виктор Васильевич и его стервозная шлуха Инга, по-совместительству режиссер его порностудии. Она горько ухмыльнулась — даже денег дали...

— Ирина Алексеевна, Вы слышите меня? — вернул ее к реальности молодой юрист. — На этом ваш контракт считается расторгнутым. Подпишите, пожалуйста еще вот эти несколько документов... И еще вот здесь... с расшифровкой. Спасибо.

Он поднялся и посмотрев на молча сидевшую в стороне даму кивнул головой и протянул ей часть подписанных документов.

— Очень хорошо, Алексей. Вы можете идти.

Молодой человек попрощался и вышел. А женщина тяжелым взглядом посмотрела на Ирину. Та снова поднялась из-за стола, почувствовав себя очень неудобно.

— Итак вы покидаете это место. Могу сказать, что вам повезло и вы сумели заработать право снова стать человеком. Причем с небольшим бонусом. Поверьте, это нечастый случай в нашей практике. Тем не менее прощайте. Внизу вас ждет автомобиль. Вот ваш паспорт и деньги...

Ирина неуверенно взяла со стола небольшой пакет, еле слышно попрощалась и вышла из комнаты. Охранник повел ее к выходу, возле которого был припаркован старый фольксваген. Задняя дверь открылась и она оказалась в салоне с безликим мужчиной, который молча завязал ей глаза.

Автомобиль покати по подмосковным дорогам унося все дальше из адского кошмарного сна длиной в целую вечность.

Непослушные ноги подкашивались от волнения, когда она увидела собственный дом, где все было до боли родным и дорогим. Она была в том самом коротком пальто на легкое синее

платье, в которой ее и забрали в тот злополучный осенний день, когда она приехала на работу, чтобы услышать о своем увольнении. Теперь же была зима и морозный ветер безжалостно пробирал ее до костей. Она прибавила шагу, когда показалась неряшливо окрашенная неуклюжая серая дверь милого подъезда. Наконец! Третий этаж. Вот она — дверь любимой квартиры, за которой ее ждет родной любимый Димочка.

Кнопка звонка отозвалась знакомой трелью за потрепанной железной дверью. Ноги затряслись от волнения. Сейчас она растерзает своего единственного родного человека на этой земле. Рассказывать ничего не будет. Она уже все обдумала по дороге. Ее послали в длительную командировку, как она и говорила ему раньше, но что-то пошло не так и ей пришлось остаться там надолго, Кстати вот и гонорар...

Дверь отворилась и в проеме появился высокий толстый мужчина в возрасте в полосатых штанах и растянутой майке.